

П.С. Куслий

Информативные тождества и проблема взаимозаменяемости имен собственных*

Тезис эпистемологизма в семантике

Одним из центральных постулатов как трехчастных, так и двухчастных семантических теорий, восходящих к работам Г.Фреге и Б.Рассела, соответственно, является утверждение о том, что нетавтологичные единичные термины, указывающие на один и тот же объект, будучи взаимозаменяемыми в так называемых экстенциональных контекстах с сохранением истинностного значения того предложения, в которое они входят, оказываются невзаимозаменяемыми в так называемых интенциональных контекстах, а именно в контекстах психических установок¹.

Экстенциональные контексты представлены обычными повествовательными предложениями. Так, в истинном предложении

(1) Эверест – самая высокая гора в мире

термин «Эверест» может быть заменен на термин «Джомолунгма», поскольку оба указывают на один и тот же объект. Получающееся в результате замены предложение

(2) Джомолунгма – самая высокая гора в мире
сохраняет истинностное значение предложения (1).

Контексты психических установок (т. е. сложноподчиненные предложения, в которых речь идет о присущих людям верованиях, сомнениях и т. п. о том-то и том-то), в свою очередь, согласно рассматриваемому подходу, не допускают подобной замены. Так, считается, что если взять истинное предложение

* Подготовлено при поддержке гранта РФФИ № 09-06-00322-а.

(3) Сидоров считает, что Эверест – самая высокая гора в мире и заменить в нем термин «Эверест» на термин «Джомолунгма», то получившееся предложение

(4) Сидоров считает, что Джомолунгма – самая высокая гора в мире уже не будет гарантированно обладать тем же истинностным значением, что и (3).

Согласно подходу, восходящему к Фреге, (4) не сохраняет гарантированно присущее (3) истинностное значение на том основании, что Сидоров может и не знать, что Эверест – это Джомолунгма. Ведь были времена, когда этого вообще не знал никто.

Это возможное незнание Сидорова (или любого другого субъекта S) о том, что Эверест и Джомолунгма (или любые другие a и b) обозначают одно и то же и, соответственно, информативный характер тождеств типа $a=b$ (в отличие от тождеств типа $a=a$), принудило Фреге и многих его последователей² анализировать значение единичных терминов как состоящее из смысла (способа детерминации объекта) и денотата (т. е. самого объекта)³. Рассел, в свою очередь, вследствие этого обстоятельства вообще отказался от обсуждения значений единичных терминов отдельно от анализа истинностных условий предложений, в которые они входят.

В данной статье главным объектом исследования для меня будет именно этот центральный постулат классических семантических теорий, который я обозначу как «тезис эпистемологизма в семантике» и сформулирую следующим образом:

(ТЭ) Для любого интенционального предложения p , обладающего контекстом психической установки и имеющего структуру $B(S,Pa)$, замена термина a на термин b , обладающий тем же денотатом, не гарантирует в появившемся новом предложении p' , имеющем структуру $B(S,Pb)$, сохранения истинностного значения p на том основании, что S может не считать (подозревать, сомневаться и т. д.), что b есть P .

Ниже я попытаюсь показать, что данный тезис оказывается неадекватным для объяснения поведения терминов в интенциональных контекстах, а также сделаю некоторые общие выводы относительно отграниченности сферы эпистемологии от сферы семантики (в частности, теории референции) и относительно тех задач, которые должна решать каждая из этих дисциплин.

Проблематичность тезиса эпистемологизма

Одним из следствий (если не переформулировкой) тезиса эпистемологизма является следующая импликация:

(И) Если S может считать, что Pa , и не считать, что Pb , то a и b не являются взаимозаменяемыми в интенциональном контексте.

Данная импликация являлась бы истинной для случаев, когда a и b имеют разные денотаты. В таких случаях S вполне обоснованно может считать, что Pa , и не считать, что Pb , и при переходе от $B(S, Pa)$ к $B(S, Pb)$ истинностное значение, разумеется, будет изменяться. Однако в (ТЭ) речь идет именно о случаях, когда a и b имеют один и тот же денотат. Я считаю, что именно для этих случаев (ТЭ) и не работает.

Чтобы понять, почему это так, следует вспомнить один из принципов именования, который гласит, что в предложении, где используется имя, речь идет о денотате этого имени. Так, в (1) речь идет о конкретной горе, а не о термине «Эверест». Если так, то и в (2) речь также идет о конкретной (той же самой) горе, а не о термине «Джомолунгма». Следовательно, если Сидоров считает, что Эверест – самая высокая гора в мире, то он имеет некоторое верование относительно этой конкретной горы (верование *de re*)⁴. Данное обстоятельство делает (3) истинным. Однако это же самое обстоятельство делает истинным и (4), ведь в нем речь идет о том же самом, о чем и в (3), а именно о том, что Сидоров имеет это же верование относительно этой же горы. Поэтому термины «Эверест» и «Джомолунгма» оказываются взаимозаменяемыми и в интенциональных контекстах⁵.

Вышеописанную замену тождественных терминов нельзя осуществлять лишь в тех случаях, когда речь идет о конкретно сформулированных высказываниях. Такие случаи, согласно орфографии русского языка, выделяются с помощью правил для прямой речи, и их не следует путать со случаями косвенной речи. Так, если мы имеем предложение

(5) Сидоров говорит: «Эверест – самая высокая гора в мире», то замена в нем термина «Эверест» на термин «Джомолунгма», безусловно, изменит истинностное значение этого предложения. В таком случае новое предложение

(6) Сидоров говорит: «Джомолунгма – самая высокая гора в мире» будет ложным, поскольку не представляет цитату слов Сидорова. Поэтому предложения с прямой речью не являются интересующими нас примерами предложений с интенциональными контекстами психических установок.

Таким образом, Сидоров не может считать, что Эверест – самая высокая гора в мире, и одновременно с этим не считать, что Джомолунгма – самая высокая гора в мире: две указанные психические установки являются контрадикторными и, следовательно, взаимоисключающими. Их контрадикторность делает первую часть импликации (И) всегда ложной. Это, в свою очередь, приводит к тому, что из первой части этой импликации может следовать, не только то, что a и b не являются взаимозаменяемыми в интенциональных контекстах, но и то, что они в них таковыми являются (поскольку из ложного antecedента следует как истинный, так и ложный консеквент).

Мы приходим к выводу о том, что описываемая в (И) и, следовательно, в (ТЭ) ситуация, когда $a=b$ и субъект S считает, что Pa , но при этом не считает, что Pb , на самом деле, ничего не говорит нам о взаимозаменяемости a и b в интенциональных контекстах.

Критерий истинности предложения (4)

На данном этапе может возникнуть подозрение, что результат, полученный в предыдущем разделе, содержит в себе несовместимые элементы. Ведь получается, что мы признаем (4) истинным и, следовательно, переход от (3) к (4) допустимым, на том основании, что Сидоров не может одновременно считать, что Эверест – самая высокая в мире гора, и не считать, что Джомолунгма – самая высокая в мире гора. Но как быть, если сам Сидоров, столкнувшись с (1) и (2), признает (1) истинным, а (2) ложным? И, более того, если он, сходным образом, признает (3) истинным, а (4), соответственно, ложным? Не будет ли это означать, что Сидоров все же считает, что Эверест – самая высокая гора в мире и одновременно с этим не считает, что Джомолунгма – самая высокая гора в мире? Не является ли такой результат *de facto* опровержением идей, сформулированных мной выше?

Каким бы странным это, на первый взгляд, ни казалось, но ответить на два последних вопроса следует отрицательно. Причина тому заключается в следующем.

Ни для кого не секрет, что мы часто заблуждаемся, считая истинными предложения, которые на самом деле являются ложными. Если мы принимаем данный факт, то тогда мы должны будем принять и то обстоятельство, что наше верование относительно истинностного значения p не детерминирует истинностное значение p . Далее следует обратить внимание на то, что заблуждение возможно не только в тех случаях, когда ложное предложение считается истинным, но и когда истинное предложение считается ложным.

Данный результат уже сам по себе отделяет теорию истины от теории верования. Применительно к случаю Сидорова он, по крайней мере, делает возможной истинность предложения (2) без признания его таковым со стороны Сидорова. То же самое, по аналогии, относится и к (4): признание его истинным со стороны Сидорова не является условием истинности данного предложения. Следовательно (4) может быть истинным, даже если сам Сидоров считает его ложным.

Критерием (или условием) истинности (4) является наличие у Сидорова верования относительно соответствующего положения дел. Конкретно: наличие у него верования относительно того, что Джомолунгма является самой высокой горой в мире. Элементы этого положения дел, являющегося предметом верования Сидорова, – это сама гора (каким бы именем она не обозначалась) и присущее ей свойство быть самой высокой в мире. Как уже было сказано выше, истинность (3) говорит нам о том, что Сидоров обладает указанной психической установкой относительно указанного положения дел. Следовательно (4) является истинным.

Информативность нетавтологических тождеств и взаимозаменяемость

Если все сказанное выше верно, то получается, что переход от (3) к (4) с сохранением истинностного значения можно осуществлять и без согласия самого Сидорова. Данный результат имеет два важных следствия для эпистемологии.

Первое следствие связано с демонстрацией обособленности сферы эпистемологии от сферы метафизики. Так, предложения

(7) Эверест = Эверест

и

(8) Эверест = Джомолунгма

выражают тождественность конкретной горы самой себе и в этом отношении являются метафизически необходимыми. Поэтому входящие в них имена собственные взаимозаменяемы как в экстенциональных, так интенциональных контекстах.

Различие этих предложений заключается в том, что (7) является тавтологичным и поэтому неинформативно, тогда как (8) не тавтологично и поэтому информативно.

Это приводит нас к признанию того обстоятельства, что бывают случаи, когда имеются два термина, обладающие общим значением (общим денотатом) и, как следствие, являющиеся взаимозаменяемыми, однако мы об этом не знаем. Данный результат важен для эпистемологии еще и потому, что демонстрирует, что не все метафизически необходимые истины являются априорными (неинформативными). Адекватный анализ способен показать, что априорным истинам также вовсе не обязательно всегда быть метафизически необходимыми⁶.

Однако для целей данной статьи более важным представляется второе следствие. Оно заключается в том, что полученные результаты позволяют четким образом отграничить сферу эпистемологии от сферы семантики (в частности, теории референции).

Установленная возможность осуществлять взаимозамену имен собственных, обладающих общим значением (денотатом), в контекстах психических установок, не принимая во внимание мнение обладателя соответствующей психической установки относительно истинностного значения нового предложения, получающегося в результате упомянутой взаимозамены, демонстрирует, что сфера вопросов соотношения терминов и объектов, исследованием которой занимается теория референции, отличается от сферы вопросов эпистемологии. Термины и предложения могут обладать семантическими свойствами (например, быть взаимозаменяемыми в первом случае и истинными во втором) безотносительно того, знаем мы об этом или нет.

Эпистемология, в свою очередь, может иметь дело с такими вопросами, как возможность/невозможность получения нами эпистемического доступа к объектам самим по себе, методологические сложности самого обсуждения объектов безотносительно способов их данности нам, вопросом о том, как и почему можно говорить об истинности суждений, не являющихся содержанием чьего-либо сознания, и многими другими. Однако все эти проблемы лежат за пределами проблемного поля семантики в целом и теории референции, в частности, и применительно к этой сфере оказываются нерелевантными.

Заключение

В данной статье я отстаивал аргумент о том, что тезис эпистемологизма в семантике является неадекватным и не может служить объяснением принципов, по которым осуществляется взаимозаменяемость единичных терминов в интенциональных контекстах психологических установок. Было показано, что опровержение данного тезиса приводит к отграничению сферы семантики от сферы эпистемологии: семантические свойства терминов не детерминируются информативностью или неинформативностью отношений, которыми они связаны друг с другом. Данный результат, как кажется, способствует прояснению пределов той взаимозависимости, которая существует между языком и познанием.

Примечания

- ¹ См.: Фреге Г. О смысле и значении // Логика и логическая семантика. М., 2000; Рассел Б. Об обозначении // Язык, истина, существование. Томск, 2002.
- ² Например, см.: Карнап Р. Значение и необходимость. Биробиджан, 2000.
- ³ Здесь я намеренно не использую оригинальную терминологию Г.Фреге, а передаю лишь суть его концепции.
- ⁴ В данной статье я буду строить свой аргумент, опираясь исключительно на случаи верования *de re* (т. е. верования относительно предметов). Построение сходного аргумента с опорой на верования *de dicto* (т. е. верования не о конкретном предмете, а о некоем референте (индивидуальном смысловом условии), под которое предмет может подпадать, а может не подпадать) также возможно. Подробнее см. Куслий П.С. Референция единичных терминов // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. 2009. №4(8). С. 5-21.

-
- ⁵ Насколько мне известно, первым исследователем, обосновавшим взаимозаменяемость имен собственных в интенциональных контекстах, был Нэйтен Сэлмон (*Salmon N. Frege's Puzzle*. Cambridge, 1986), который, как, впрочем, и я, во многом опирался на результаты, полученные и сформулированные Солом Крипке (*Kripke S. Naming and Necessity // Semantics of Natural Language / Ed. by D.Davidson and G.Harman. Dordrecht, 1972.*). Я же пришел к этим результатам самостоятельно, размышляя над концепцией интенционального изоморфизма Р.Карнапа, до того, как успел познакомиться с работами Сэлмона. Мой аргумент о взаимозаменяемости имен собственных в интенциональных контекстах схож с аргументом Сэлмона, однако делаемые мной выводы относительно того, что я называю тезисом эпистемологизма, существенно отличаются от позиции Сэлмона.
- ⁶ Подробнее об этом см., например: *Kripke S. Knowledge, Necessity, and Contingency // Moser P.K. (ed.) A Priori Knowledge. Oxford, 1987. P. 145–160.*